

О ВТОРЫХ И ТРЕТЬИХ БРАКАХ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Историко-каноническій очеркъ ¹⁾.

II.

Теперь, когда вышеизложенными соображеніями достаточно уясненъ изначальный взглядъ церкви не только на нравственную природу, но и на сакраментальное достоинство вторыхъ и третьихъ браковъ, становится вполне понятнымъ значеніе вопроса и о способѣ ихъ заключенія. Отвѣтъ, даваемый на него дѣйствующимъ правомъ и современною литургическою практикою, хорошо извѣстенъ и нами уже указанъ въ началѣ предыдущей главы. Но историческія данныя говорятъ о многовѣковомъ дѣйствіи *иной* практики и *иныхъ* каноническихъ нормъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и должны теперь обратиться.

Итакъ, каковъ же былъ древній, изначальный способъ совершенія вторыхъ и третьихъ браковъ? Уже а priori, выходя изъ общей древне-христіанской точки зрѣнія на нихъ, естественно предположить, что заключеніе такихъ браковъ не могло обставляться тою торжественностью религиозныхъ церемоній, какую издавна стремилась церковь связать съ началомъ перваго брака. И такое предположеніе вполне подтверждается длиннымъ рядомъ положительныхъ свидѣтельствъ на протяженіи многихъ вѣковъ. Первое мѣсто въ ряду такихъ свидѣтельствъ ученые изслѣдователи ²⁾ отво-

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстн. Сентябрь.

²⁾ Напр. *Zhishman*, *Das Eherecht*, S. 413; *Павловъ*, 50-я гл. Кормчей, стр. 65, и мн. др.

дять 7 правилу помѣстнаго неокесарійскаго собора, воспрещающему пресвитеру участвовать въ бракосочетаніи двоеженца. Вотъ это правило въ подлинникѣ: *Πρεσβύτερον εἰς γάμον διγαμόντων μὴ ἐστίσθαι ἐκτὸς μετὰ τοὺς αὐτοῦ τοῦ διγαμόν, τίς ἔσται ὁ πρεσβύτερος, ὁ διὰ τῆς ἐστιάσεως συγκαταπέμμενος τοῖς γάμοις* ¹⁾. Приведенный текстъ соборнаго канона, равно какъ и переводъ его въ нашей „Книгѣ правилъ“ ²⁾, воспрещая священнику участіе въ брачномъ пиршествѣ двоеженца, ничего не говоритъ о томъ, считалось ли дозволительнымъ совершеніе какихъ-либо священнодѣйствій при установленіи союза второбрачныхъ. Восполняя этотъ пробѣлъ, одинъ изъ позднѣйшихъ толкователей, Аристинъ, такъ передаетъ содержаніе правила: „священникъ, *благословивъ двоебрачнаго*, долженъ удалиться отъ трапезы и не пиршествовать вмѣстѣ съ нимъ. Ибо если двоебрачный состоитъ подъ епитиміей, то какое извиненіе будетъ имѣть тотъ пресвитеръ, который, присутствуя при пиршествѣ, одобряетъ такіе браки“ ³⁾? Подъ благословеніемъ, о которомъ здѣсь упоминается, толкователь, очевидно, разумѣетъ священнодѣйствіе, соотвѣтствующее тому „Послѣдованію о второбрачныхъ“, которое употребляется въ современной церковной практикѣ. Другими словами, Аристинъ усваиваетъ неокесарійскому правилу тотъ смыслъ, что имъ отнюдь не возбраняется, а даже какъ-бы молчаливо предполагается заключеніе второго брака чрезъ благословеніе священника. Но при оцѣнкѣ его толкованія не нужно забывать, что оно появилось въ XII в. и, слѣдовательно, отдѣляется отъ изыснимаго правила, по крайней мѣрѣ, 8-вѣковымъ промежуткомъ. Уже это одно даетъ основаніе не ввѣряться ему безусловно. Въ данномъ случаѣ осторожность тѣмъ умѣстнѣе, что именно на пространствѣ указаннаго промежутка мы встрѣчаемъ такія важнѣйшія опредѣленія по вопросу о церковной формѣ бракозаключенія, какъ новеллы императоровъ Льва Мудраго и Алексѣя Комнина, сдѣлавшія церковное благословеніе

¹⁾ *Σύντ. τ. III, σ. 80. Pitra, Juris eccles. hist. et mon. t. 1, p. 452.*

²⁾ „Пресвитеру на бракъ двоеженца не пиршествовати: понеже двоеженецъ имѣетъ нужду въ покаяніи. Какой же былъ бы пресвитеръ, который чрезъ участіе въ пиршествѣ одобрялъ бы такіе браки?“

³⁾ *Σύντ. т. III σ. 82: русск. перев. въ „Прав. св. помѣстн. соборовъ съ толков.“, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., вып. I, стр. 85, М. 1880.*

общеобязательнымъ при *всякомъ* христіанскомъ бракѣ ¹⁾. Въ вышеприведенномъ толкованіи Аристина можно не безъ основанія видѣть отраженіе практики, созданной упомянутыми законами, но чуждой первоначальному смыслу изъясняемаго правила. Справедливость послѣдняго замѣчанія довольно ясно открывается изъ той мотивировки, какую сопровождаетъ въ правилѣ распоряженіе о неучастіи священника въ брачномъ пиршествѣ вторображенца: запрещено присутствовать на брачномъ торжествѣ потому, что священникъ „черезъ участвованіе въ пиршествѣ одобрялъ бы таковыя браки“. Но развѣ совершеніемъ чина церковнаго благословенія второбрачныхъ (если бы таковой чинъ тогда существовалъ) священникъ не выражалъ бы, и при томъ гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ черезъ простое присутствіе на брачномъ пиру, своего одобренія заключаемому союзу? На это внутреннее противорѣчіе, которое пришлось бы признать въ 7 пра-

¹⁾ Узаконеніе относительно обязательности церковнаго благословенія при заключеніи всякаго христіанскаго брака издано Львомъ Мудрымъ въ 893 г. и содержится въ LXXXIX его новеллѣ. Исправляя ошибку древности, не обратившей достаточнаго вниманія на правильное установленіе браковъ, императоръ предписываетъ впредь „утверждать браки свидѣтельствомъ священнаго благословенія (*τὰ συνοικήσια τῆ ματρὸς τῆς ἱερᾶς εὐλογίας ἐρῶσθαι κελεύομεν*), такъ что гдѣ не усмотрится у желающихъ вступить въ бракъ такого посредствующаго соединенія, такое сожитіе изначала не будетъ именоваться супружествомъ и не доставитъ возникающихъ изъ онаго правъ; ибо между безбрачіемъ и бракомъ нельзя найти безразличнаго состоянія“ (*Zachariae, Jus graeco-roman., t. III, p. 187*). Послѣднія слова приведеннаго нами отрывка достаточно ясно показываютъ, что издаваемое предписаніе распространялось на *всѣ безъ исключенія* браки, не дѣлая различія между первымъ бракомъ и послѣдующими. Трудно только сказать рѣшительно, имѣлъ ли законъ имп. Льва въ виду все христіанское населеніе имперіи, или же только людей свободныхъ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Во всякомъ случаѣ, на практикѣ онъ былъ примѣненъ въ послѣднемъ, ограничительномъ смыслѣ: считая церковное благословеніе брака исключительнымъ правомъ людей свободныхъ, господа рѣшительно возставали противъ церковнаго бракосочетанія своихъ рабовъ, полагая, что оно можетъ послужить для послѣднихъ основаніемъ считать себя свободными. Противъ этого-то явленія и была направлена упомянутая выше новелла имп. Алексѣя Комнина (въ концѣ XI в.), — см. *Zachariae ibid. p. 404—7*. Съ наданіемъ этой новеллы церковная форма бракозаключенія стала уже несомнѣнно общеобязательною, безъ различія общественныхъ состояній и сословій.

вилѣ неокесарійскаго собора при разсматриваемомъ пониманіи его, неоднократно указываетъ въ своихъ письмахъ св. Беодоръ Студитъ (759—826 г.), давая вмѣстѣ съ тѣмъ вполне ясное и авторитетное свидѣтельство, что въ его время (т. е. до изданія вышеупомянутыхъ новеллъ объ обязательномъ церковномъ благословеніи всѣхъ христіанскихъ браковъ) указанное правило понималось въ смыслѣ запрещенія священнику не только присутствовать на пиршествѣ по случаю второбрачія, но и благословлять таковой бракъ. Съ особенною подробностію раскрываетъ эту мысль св. отецъ въ письмѣ 50 (къ Навкратію). Изложивши предварительно взглядъ на второй бракъ, какъ на „невоздержаніе, сродное паденію и прегрѣшенію“ и потому подлежащее, по церковнымъ правиламъ, эпитиміи, онъ продолжаетъ: „посему и св. отцы неокесарійскаго собора запретили пресвитеру пиршествовать на бракѣ второбрачнаго. Если, говорятъ они, второбрачный имѣетъ нужду въ покаяніи, то какъ пресвитеръ станетъ сочувствовать этому браку посредствомъ пиршества на немъ? Что же по необходимости слѣдуетъ отсюда? То, что первый бракъ, какъ собственно законный, справедливо вѣнчается священникомъ, какъ нескверный, какъ чистый, какъ свободный отъ блудной страсти и посему увѣнчиваемый, какъ побѣдитель надъ грѣхомъ; отъ этого при немъ бываетъ и приобщеніе святыхъ, и присутствіе вѣнчавшаго и всякаго другого священника на такомъ бракѣ. Такъ и Господь и Богъ нашъ удостоилъ раздѣлять трапезу (на бракѣ) въ Канѣ Галилейской, благословивъ участіемъ Своимъ въ немъ всякое брачное пиршество. Также и наложеніе вѣнцовъ Онъ издревле благословилъ, даровавъ ихъ прародителю нашему Адаму. Какимъ образомъ? *И сотвори Богъ челоуѣка, по образу Божию сотвори его, мужескъ полъ и женскъ сотвори ихъ; и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ея* (Быт. I, 27—28). Вотъ благословеніе брачнаго союза, отъ котораго произошло всякое благословеніе однобрачнаго сочетанія, ибо и Адамъ былъ однобрачный. Надобно замѣтить, что отсюда произошло и возглашеніе при наложеніи вѣнцовъ, которое напоминаетъ о созданіи перваго челоуѣка и сочетаніи съ женою, происшедшею изъ ребра его. А второй бракъ хотя и дозволенъ, но подлежитъ эпитиміи. Ибо какъ можетъ быть достойнымъ вѣнчанія побѣжден-

ный, а не побѣдившій? И какой пресвитеръ станетъ вѣнчать его, получивъ отъ отцовъ запрещеніе даже просто присутствовать на его пиршествѣ? И какъ будетъ участвовать въ божественномъ приобщеніи тотъ, кто для этого самаго отлучается отъ святыни на одинъ или два года? И чья или какая благословенная молитва будетъ читаться при сочетаніи его, когда нѣтъ другой, кромѣ одной, читаемой при однобрачномъ и первомъ сочетаніи? Итакъ, изъ всѣхъ писаній и отцевъ видно, что *второй бракъ не имѣетъ вѣнчанія, и посему не сочетавается священникомъ*¹⁾. Какъ видно изъ приведен-

¹⁾ Творенія св. отца нашего, препод. Феодора Студита, перевод. съ греч. при спб. дух. академіи, ч. I, стр. 299—300 (греч. текстъ у *Migne* — *Patrol. gr. t. XCIX, col. 1092—1093*). Высказавшись, такимъ образомъ, съ полною опредѣленностію противъ церковнаго благословенія второбрачныхъ, св. отецъ нѣсколько дальше, въ томъ же письмѣ, подробно останавливается на тѣхъ случаяхъ, когда изъ двухъ брачующихся только одинъ вступаетъ во второй бракъ, другая же сторона является первобрачною. „Можетъ быть, ты еще скажешь: если одна сторона—дѣвственная, какъ говорятъ нѣкоторые, то не слѣдуетъ ли одному (изъ сочетающихся) возлагать вѣнецъ на голову, а другому, уже бывшему въ бракъ, на плечо, при чтеніи молитвы вѣнчанія? Это, кромѣ нелѣпости, мнѣ кажется еще и смѣшнымъ. Ибо допустимъ третій бракъ: тогда гдѣ будетъ возложенъ вѣнецъ, на рукъ или на колѣнѣ, если вдова, вступающая въ бракъ (вторично), будетъ принимать вѣнецъ на плечо. Это нелѣпо. И кто будетъ возлагать вѣнецъ? И какъ раздѣлится нераздѣльная молитва? Одна изъ сторонъ, какъ непорочная, будетъ благословляться, а другая — нѣтъ? Это смѣшно и невозможно. И какъ одна сторона будетъ принимать приобщеніе а другая—нѣтъ, какъ находящаяся подъ епитиміей? Если это будетъ мужъ, а мужъ—глава жены и оба они составляютъ одно тѣло, то остальное тѣло будетъ приобщаться, а глава—нѣтъ? Такимъ образомъ соединяемое тотчасъ же будетъ расторгнуто самимъ соединяющимъ, если по снисхожденію будетъ дозволено ему сдѣлать это; ибо главная принадлежность и цѣль сочетанія есть святое и единое тѣло и кровь Христова; или онъ будетъ приобщать обоихъ? Впрочемъ, оставимъ пустословіе. Очевидно, что такой будетъ не священникомъ, а преступникомъ божественныхъ постановленій и посему достойнымъ лишенія священства, такъ какъ ему не дозволено и пиршествовать на такомъ бракъ, не только что совершать такое беззаконіе. Какъ же, скажешь, неужели дѣвственная сторона теряетъ побѣдный вѣнецъ съ благословеніемъ и, не бывъ побѣжденною, не одерживаетъ большей побѣды, такъ чтобы доставлять вмѣстѣ съ собою благословеніе, и вѣнчаніе, и участіе въ приобщеніи сторонъ, побѣжденной второбрачнѣмъ? Если бы было такъ, то было бы опредѣлено отеческими правилами; но никакого различія не сдѣлано. А что не опредѣлено и не

ныхъ словъ, подъ „вѣнчаніемъ“, которое св. Феодоръ признаетъ неумѣстнымъ при второмъ бракѣ, онъ разумѣетъ не одинъ только актъ возложенія вѣнцовъ на новобрачныхъ съ возглашеніемъ соотвѣтствующихъ словъ, а всю совокупность тѣхъ священнодѣйствій, изъ которыхъ въ его время состоялъ церковный бракозаключительный чинъ. Въ составъ послѣдняго, кромѣ упомянутаго дѣйствія и причащенія новобрачныхъ, входила всего *одна* молитва, читавшаяся надъ первобрачными, и современная литератургическая практика, по свидѣтельству того же св. отца, не знала никакой иной молитвы на бракъ¹⁾. Этимъ совершенно устраняется то пред-

утверждено свидѣтельствами отцевъ, то вымышлять и говорить и дѣлать—есть тщеславіе. Я же скажу такъ: справедливо будетъ, если дѣятельная сторона лишится однобрачнаго преданнаго (вѣнчанія); ибо она могла бы воспользоваться имъ чрезъ сочетаніе съ равночестнымъ; и слѣдуетъ сочетаваться чистому съ чистымъ, дѣвственному съ дѣвственнымъ, побѣждающему съ побѣждающимъ; а кто захотѣлъ сочетаться съ недѣвственнымъ, тотъ падаетъ и чрезъ это безчеститъ дѣвственную хвалу, которой, можетъ быть, онъ и не имѣлъ, или, имѣя, нѣкоторымъ образомъ унижилъ ее пристрастнымъ расположеніемъ къ второбрачному; посему не только не возвыситъ, но еще унижитъ его до епитиміи (назначенной) сторонѣ второбрачной“. (Твор., ч. I, стр. 301—3; *Migne* *ibid.* col. 1094—1096).

¹⁾ Возможно, впрочемъ, предположить, что словомъ „молитва“ препод. Феодоръ обозначаетъ въ данномъ случаѣ цѣлое чинослѣдованіе, состоящее изъ нѣсколькихъ молитвословій. Подъ заглавіемъ: *Εἰς τὴν γάμον* въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ доселѣ записей брачнаго чинослѣдованія—барбериновской (въ *Cod. Barberin. s. Marci*, — см. *Goar, Εὐχολόγιον, sive rituale graecorum*, p. 394—5. Lut. Paris. 1647), относящейся, по общепринятому мнѣнію, къ VIII—IX в., мы находимъ, кромѣ произносимой діакономъ эктени, *три* молитвы, читаемыя священникомъ. Изъ нихъ одна, предшествующая возложенію вѣнцовъ и начинающаяся словами: *Ὁ Θεὸς ὁ ἅγιος...*, есть 3-я молитва нашего современнаго чина вѣнчанія первобрачныхъ; другая, которая читается по возложеніи вѣнцовъ на брачущихся и соединеніи ихъ рукъ (*Κύριε ὁ Θεὸς ἰμῶν. ὁ ἐν τῇ σωτηρίῳ δει...*), соотвѣтствуетъ 4-й молитвѣ того же чина; третья же, помѣщенная въ рукописи, по замѣчанію Гоара, *quasi seragatim*, носитъ названіе: *Εἰς τὴν τοῦ κοινῆς ποτηρίου* и также читается въ современномъ чинѣ непосредственно предъ „общей чашей“. Но, безъ сомнѣнія, и барбериновскій списокъ, не смотря на свою древность, содержитъ чинъ браковѣнчанія не въ самой первоначальной его редакціи, которая могла состоять дѣйствительно изъ *одной* молитвы. Въ этой-то именно редакціи и могъ быть извѣстенъ чинъ браковѣнчанія препод. Феодору Студиту. А тою единственною молитвою, изъ которой состоялъ этотъ чинъ, судя

положеніе, къ которому прибѣгаютъ нѣкоторые изслѣдователи, желая спасти аристиновское пониманіе 7 правила неокесарійскаго собора,—именно, что уже въ древности, наряду съ публичнымъ и болѣе или менѣе торжественнымъ церковнымъ чиномъ благословенія перваго брака (въ связи съ литургіей), существовалъ особый, не торжественный и какъ-бы домашній порядокъ молитвеннаго благословенія второбрачныхъ—безъ евхаристическаго приношенія и возложенія вѣнцовъ¹⁾. Ясно, такимъ образомъ, что церковное благословеніе второбрачныхъ представляется для препод. Θεοδωρα безусловно недопустимымъ по смыслу неокесарійскаго правила. „Если священное правило—повторяетъ онъ свою мысль въ другомъ мѣствѣ—не дозволяетъ пресвитеру пиршествовать на бракъ второбрачнаго, то тѣмъ болѣе запрещается вѣнчать такого. Если же иные думаютъ иначе, то пусть видятъ, что дѣлаютъ. Мы же, говоритъ апостоль, такового обычая не имамы, ниже церкви Божія“²⁾.

Какимъ же способомъ должны были устанавливать свой супружескій союзъ второбрачные при невозможности сдѣлать это посредствомъ благословенія, преподаваемаго іерархическимъ лицомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, не получившій прямого разрѣшенія въ церковныхъ канонахъ³⁾, даетъ намъ

по замѣчанію св. отца о ея содержаніи, скорѣе всего могла быть первая молитва барбериновской редакціи: *Ὁ Θεὸς ὁ ἄγιος*, такъ какъ въ ней именно упоминается о „созданіи перваго человѣка и сочетаніи съ женою, происшедшею изъ ребра его“.

¹⁾ *Binterim*, Die vorzügl. Denkwürd. B. VI, Th. 2, S. 42—4.

²⁾ Письмо 201 къ Филоею ктитору,—Твор. ч. 2, стр. 523; *Migne*—Patr. gr. t. XCIX, col. 1616; Ср. еще письмо 191 къ тому же лицу и два письма (21 и 22) къ Симеону. Въ послѣднемъ изъ указанныхъ писемъ, обличая незаконное повѣнчаніе втораго брака имп. Константина, вопреки неокесарійскому правилу, св. отецъ признаетъ виновнаго въ этомъ священника подлежащимъ тяжкому церковному наказанію: „Не мало ли, можетъ быть, и низложенія? Если же это останется ненаказаннымъ, то божественные предметы обратятся въ шутку, а правила — въ ничто“ (Твор. ч. 1, стр. 176; *Migne* *ibid.* col. 977).

³⁾ Изъ церковныхъ канонъ, говорящихъ объ условіяхъ вступленія во второй бракъ, можно упомянуть въ настоящемъ случаѣ развѣ одно—1 пр. лаодикійскаго собора, которое предписываетъ, *κατὰ τὸ ἐκκλησιαστικὸν κανόνα*, принимать въ общеніе „свободно и законно соединившихся вторыми браками, а не тайнобрачіе учинившихъ“ (*ἐλευθέρως καὶ νομίμως συναφθέντας δευτέροις γάμοις, μὴ λαθρογαμίαν ποιήσαντας*), по выполненіи

тотъ же св. отецъ: по его словамъ, вторые браки, какъ и третьи, должны заключаться *τοῖς ἀνθρώποις καθήκουσιν* — „человѣческими обычаями“, т. е. *гражданскимъ порядкомъ* ¹⁾. Въ чемъ именно состоялъ этотъ порядокъ, можно видѣть изъ другого свидѣтельства, усвояемаго современнику препод. Θεοδора, Никифору Исповѣднику, патріарху константинопольскому († 815 г.) Въ одномъ изъ правилъ, надписываемыхъ его именемъ, читаемъ: „Если кто нибудь изъ вдовцовъ хочетъ жениться на вдовѣ, то долженъ устроить трапезу, созвать на закуску десять домохозяевъ и объявить имъ открыто: „знайте, господа и братія, что я беру ее въ жену“. А молитвословія (такой бракъ) не имѣеть, и (супруги) подлежатъ эпитиміи второбрачныхъ“ ²⁾. Въ приведен-

ими установленной эпитиміи. Выраженіе *νομίμως*, употребленное здѣсь, можетъ быть понимаемо, какъ указаніе на какой-то *законный порядокъ и способъ* установленія такихъ браковъ, противопоставляемыхъ „тайному совокупленію“, т. е. незаконной блудной связи. Но было бы ошибочно видѣть здѣсь доказательство существованія во времена лаодикійскаго собора какого-то *церковнаго закона* о способѣ (тоже церковномъ) заключенія вторыхъ браковъ: чтобы допустить это, нужно имѣть болѣе убѣдительныя основанія и болѣе несомнѣнные слѣды такого закона. Къ тому же словомъ *νόμος*, въ противоположность „канону“, въ обычномъ словоупотребленіи обозначается законодательный актъ, исходящій отъ гражданской власти. Гражданское же законодательство, современное собору, знало только одинъ для всѣхъ браковъ способъ ихъ заключенія—*consensus* (fr. 11 Dig. XXIII, 1), такъ или иначе публично констатируемый посредствомъ бытовыхъ обычаевъ или гражданско-правовыхъ актовъ (въ родѣ составленія документовъ о приданомъ и т. п.). Можно думать, что словомъ *νομίμως* лаодикійское правило указываетъ именно на этотъ *законный* способъ бракозаключенія, обозначая его столь кратко, какъ дѣло въѣмъ извѣстное. Однако, это не больше, какъ предположеніе, на которомъ мы отнюдь не настаиваемъ, допуская, что въясняемое слово могло выражать и иную мысль,—напр., о необходимости соблюденія при второмъ бракѣ, какъ и при первомъ, всѣхъ тѣхъ ограничительныхъ постановленій, какія содержались въ дѣйствовавшихъ тогда гражданскихъ узаконеніяхъ.

¹⁾ Твор. ч. 1, стр. 301.—*Migne* *ibid.* col. 1093.

²⁾ *Pitra*, *Juris eccles. graec. hist. et monum.*, t. II, p. 341, cap. 149: *Ἐάν τις ἀπὸ χρείας ὦν καὶ θέλῃ λαμβάνειν γυναῖκα ἀπὸ χρείας, δεῖλει τοῦ ποιῆσαι τράπεζαν, καὶ συγκαλέσαι δέκα ἄνδρας οἰκοδεσπότας εἰς τὸ ἄριστον, καὶ εἰπεῖν αὐτοῖς παρήγορίᾳ „Γινώσκετε, οἱ κύριοι καὶ ἀδελφοί, ὅτι γυναῖκα αὐτὴν λαμβάνω“. Καὶ ἀκόλουθίαν οὐκ ἔχει. τὰ δὲ ἐπιτίμια τῆς διγαμίας δουλεύσουσι. Запрещеніе заключать второй бракъ въ церковной формѣ—вънчанія—повторяется и въ другомъ правилѣ того же патріарха: *Ὁ διγάμος**

ныхъ словахъ рѣчь идетъ о способѣ бракозаключенія, издавна хорошо извѣстномъ гражданскому законодательству Византіи. Это—тотъ самый способъ, о которомъ говорить конституція императоровъ Θεодосія и Валентиніана, изданная въ 428 г. ¹⁾ „Если бы (при заключеніи брака) не были составлены документы относительно предбрачнаго дара или приданого,—говорится здѣсь—а также были опущены брачныя церемоніи и торжества (pompa etiam aliaque nuptiarum celebritas), пусть никто не думаетъ, что чрезъ это будетъ нетвердымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ правильно заключенный бракъ, или что родившіяся отъ этого брака дѣти лишатся правъ законнорожденности, коль скоро между равными по своему общественному положенію лицами (inter pares honestate personas), при отсутствіи законныхъ препятствій, заключается союзъ, который скрѣпляется ихъ собственнымъ соглашеніемъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ друзей (consortium, quod ipsorum consensu atque amicorum fide firmatur)“. Приведенное узаконеніе стоитъ всецѣло на почвѣ до—христіанскаго римскаго права съ его извѣстнымъ основоположеніемъ, что бракъ устанавливается взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ; только простое, неформальное соглашеніе, *nudus consensus* классическаго права, почти совершенно стиравшій грань между законнымъ бракомъ и конкубинатомъ ²⁾, законода-

---

οὐ στεφανοῦται, ἀλλὰ καὶ ἐπιγαίεται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀρχόντων μυστηρίων ἐστὶ δὲο (Σύντ. Ралли и Потли, т. IV, стр. 427, прав. 2; ср. *Леунклавія* Jus graecoroman. t. I, p. 196). Это правило, извѣстное и въ слав. переводѣ, помѣщалось въ нашихъ Требникахъ—рукописныхъ XVI—XVII и печатныхъ XVII в. — при чинопослѣдованіи вѣнчанія (проф. Горчаковъ. О таинѣ супружества, стр. 193. СПб. 1880).

¹⁾ См. Cod. Theodos., ed. Haenel, lib. III, tit. 7, l. 3. Cp. l. 22 Cod. Justin. V, 4.

²⁾ Признавая consensus брачующихся (и тѣхъ, подъ чьею властью они состоятъ, если это personae alieni juris) существеннымъ элементомъ такъ называемаго свободнаго брака (sine conventionione mulieris in manu mariti,—подробнѣе о нем. см. у *Казанцева*—О разводѣ по римск. праву. стр. 122—131), римское право классической эпохи не придавало существеннаго значенія тѣмъ вѣшнымъ формамъ, въ которыхъ этотъ consensus найдеть себѣ реальное выраженіе. Для того, чтобы союзъ двухъ лицъ разнаго пола былъ признанъ за настоящій, законный бракъ, считалось достаточнымъ, если, въ случаѣ надобности, можно было доказать, безразлично—какимъ способомъ, что въ данномъ случаѣ имѣлись на лицо maritalis honor et affectio и что союзъ заключенъ liberoгum

тели, по видимому, хотятъ поставить въ неразрывную связь съ опредѣленными, юридически - доказуемыми формами. Къ числу ихъ, на ряду съ различными письменными актами, опредѣлявшими главнымъ образомъ имущественныя отношенія супруговъ ¹⁾, отнесена и *fides amicum*, т. е. возмож-

quaerendorum causa. Но та и другая черта, отмѣчая собственно внутреннй характеръ связи и ея, быть можетъ, еще ни въ чемъ не выразившюся цѣль, настолько далеко отклоняются отъ сферы наглядно познаваемыхъ признаковъ, что не удивительно, если даже строгая мысль римскихъ юристовъ классической эпохи не могла провести яснаго различія между законной женой и конкубиной: по замѣчанію одного изъ нихъ (Павла), *concubina ab uxore solo dilectu separatur* (*lib. II Sentent. c. 20*; ср. *fr. 4 Dig. XXV, 7*). Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было рѣшить вопросъ: есть ли данный союзъ бракъ или конкубинатъ, при совершенномъ иногда отсутствіи опредѣленныхъ вѣшнихъ признаковъ и при невозможности тѣмъ или инымъ несомнѣннымъ способомъ доказать *affectus maritalis*, приходилось обращаться къ презумпціямъ: такъ, въ качествѣ косвеннаго признака „супружескаго расположенія“, принималась во вниманіе продолжительность совместной жизни,—черта, которую, въ качествѣ презумпціи за бракъ, между прочимъ, и выставляетъ юристъ Палиніанъ (*fr. 31 Dig. XXIX, 5*). Равнымъ образомъ, презумировалось (на основ. *cap. 4 legis Juliae et Papiae Porpaeae*), что *persona ingenua et honestae vitae*, съ которой сожительствуетъ *ingenuus*, есть его жена, а не конкубина (*fr. 24 Dig. XXIII, 2*); напротивъ, союзъ лицъ, не имѣвшихъ *connubium* вслѣдствіе различія своего общественнаго положенія (*status*), признавался за конкубинатъ даже и въ томъ случаѣ, если были совершены изв. юридическія дѣйствія, рассчитанныя на то, чтобы придать ему значеніе законнаго брака (*fr. 16 Dig. XXXIV, 9*).

¹⁾ Классическое римское право знаетъ два рода такихъ документовъ. Это, во первыхъ, *instrumenta nuptialia* или *tabulae nuptiales*—документы, констатирующіе существованіе самаго брака; относительно ихъ достоверно извѣстно только то, что они прочитывались въ присутствіи свидѣтелей (*in conspectu omnium attestantium*) и что въ нихъ говорилось о заключеніи брака *liberorum quaerendorum causa* (*Migne—Patr. lat. t. II, col. 905*; *t. XXXVШ, col. 344*). Другой, болѣе извѣстный видъ брачныхъ документовъ составляли *instrumenta dotalia*, опредѣлявшія размѣръ приданаго и его судьбу при различныхъ, предусматриваемыхъ закономъ, оборотахъ супружеской жизни. Эти документы, составлявшіеся въ опредѣленной формѣ (*Zachariae, Gesch. d. gr. — röm. Rechts, 3-е Anfl., S. 72*) и скрѣплявшіеся свидѣтельскими подписями, хорошо известны и византійскому законодательству подъ именемъ *προικῶν συμβολαίων*. Эклога (*tit. II, c. 3*) предписываетъ составлять акты о приданомъ при участіи трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей (*Zachariae, Coll. lib. inedit. p. 16*); поздѣе новеллою имп. Ирины было установлено, чтобы *προικῶν* составлялись нотаріусомъ, а число свидѣтелей увеличено до 7 или 5 (*Zachariae,*

ность свидѣтельскими показаніями близкихъ людей удостовѣрить, въ случаѣ нужды, наличность законнаго брака. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ достовѣрность свидѣтелей могла представляться „сомнительной“ для удостовѣренія факта, столь важнаго по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ ¹⁾; тѣмъ не менѣе, преимущества простоты и общедоступности, отличающія этотъ способъ сообщенія браку значенія публично и правомѣрно установленнаго союза, были настолько значительны, что онъ сохранился и въ послѣдующія времена. Эклога исаврійцевъ, говоря о законныхъ способахъ заключенія христіанскаго брака, на ряду съ предписаніями относительно удостовѣренія его составленіемъ письменныхъ документовъ (*δι' ἐγγράφου προικίου συμβολαίου*), опредѣляетъ, что если кто-нибудь по скудости средствъ или стѣсненнымъ обстоятельствамъ не въ состояніи сдѣлать этого, то „и безъ документовъ безобманно составляется бракъ согласіемъ сочетавающихся лицъ и ихъ родителей“, заявленнымъ „*въ присутствіи друзей*“; и вообще всякій, вступившій въ единодомовное сожителство съ свободной женщиной, ввѣрившій ей управление своимъ домашнимъ хозяйствомъ и съ нею тѣлесно совокупившійся, безъ документовъ вступаетъ съ нею въ бракъ“ ²⁾. Не трудно видѣть связь выше-

Jus gr.—rom. t. III, p. 57—8). Выполняя свое спеціальное назначеніе — регулировать имущественныя отношенія супруговъ, документы о приданомъ, очевидно, могли имѣть значеніе и для удостовѣренія дѣйствительности самого брачнаго союза, такъ какъ, по римскому правовому воззрѣнію, перешедшему и къ византійцамъ, приданое (*dos*) было однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ признаковъ законнаго брака въ отличіе отъ другихъ подобобрачныхъ отношеній между лицами разнаго пола (*fr. 3 Dig. XXIII, 3*). Въ указанномъ выше мѣстѣ изъ Эклоги о составленіи этихъ документовъ даже прямо говорится, какъ объ одной изъ бракозаключительныхъ формъ (*ἐγγραφὸς γάμος συνίσταται δι' ἐγγράφου προικίου συμβολαίου*).

¹⁾ Nov. Justin. LXXIV, c. 4, n. 2.—Corpus juris civilis, t. III (Novellae), recogn. R. Shoell, p. 375, Berol. 1895.

²⁾ Ecl. tit. II, c. 8; *Εἰ δὲ κατὰ στένωσιν ἢ διὰ ταπεινώσιν μὴ δυναθῆ τις ἐπιβολῆπτως καὶ ἐγγράφως ποιῆσαι γάμον, καὶ ἀγράφως συνίσταται γάμος ἀδόλως συναίνεσει τῶν συναλλασσόντων προσώπων καὶ τῶν αὐτῶν γονέων. εἴτε ἐν ἐκκλησίᾳ τοῦτο δι' εὐλογίας ἢ καὶ ἐπὶ φίλων γνωρισθῆ. ἀλλὰ καὶ οἴσοθῆποτε ἐνοικιζόμενος εἰς γυναῖκα ἐλευθέρην καὶ καταπιστεύων αὐτῇ τὴν τοῦ ἰδίου οἴκου διοίκησιν καὶ ταύτη σαρκικῶς συμπλεκόμενος ἔγραψαν συναλλάσσει πρὸς αὐτὴν γάμον* (Zachariae—Coll. libr. inedit. p. 18—19).

приведеннаго правила св. Никифора съ этимъ предписаніемъ гражданскаго закона, одинаково распространявшимся какъ на первые, такъ и на вторые браки ¹⁾. Гражданскій способъ установленія этихъ послѣднихъ, описываемый церковнымъ іерархомъ, очевидно, есть тотъ самый способъ заключенія брака *ἀγράφως*, о которомъ говоритъ приведенный отрывокъ изъ Эклоги: фактическое водвореніе жены въ домъ своего второго мужа въ качествѣ полноправной домохозяйки и открытое заявленіе объ этомъ въ присутствіи свидѣтелей. Вся разница лишь въ томъ, что Эклога не указываетъ числа „друзей“, присутствіемъ которыхъ законно констатируется начало устанавливаемаго брака ²⁾.

Таковы вполнѣ опредѣленные и не допускающія перетолкованій свидѣтельства относительно способа заключенія вторыхъ браковъ, идущія изъ VIII—IX вв. Само собою понятно, что силу этихъ свидѣтельствъ мы въ правѣ распространить и на всѣ предшествующіе вѣка, на пространствахъ которыхъ, какъ мы видѣли, съ одинаковою и даже еще большею настойчивостью заявляетъ себя неодобрительный взглядъ представителей христіанской мысли и церковной власти на вторые и въ особенности третьи браки. Не менѣе ясно заявляетъ о себѣ тотъ же самый взглядъ и въ послѣдующее время, практически сказываясь, какъ и прежде, въ строгихъ постановленіяхъ о невѣнчаніи второбрачныхъ. Для примѣра укажемъ на *Διατάξις συννοδικῆ περὶ δευτερογαμίαις*, усвояемую патріарху Сисинію (995—998 г.) ³⁾. Названный

¹⁾ См. Eccl. tit. II, c. 10 (*Zachariae*, *ibid.*, p. 19).

²⁾ Основной текстъ, по которому издана Эклога у *Zachariae* (въ *Collectio librorum juris graeco—romani ineditorum*, Lipsiae 1852), говоритъ лишь вообще о заявленіи брачнаго согласія при друзьяхъ (*ἐπὶ φίλων*), не обозначая ихъ числа. Въ изданіи Леункланія (гдѣ напечатана не подлинная Эклога, а компиляція, которую издатель, по замѣчанію Цахаріэ, е *diversis codicibus mss. proprio Marte composuit*,—*Proleg. ad Eclog.* p. 7) этотъ пробѣлъ восполненъ и данное мѣсто читается такъ: *ἐπὶ φίλων πέντε* (*Leunclavii*—*Jus graecoroman.*, ed. *Freheri*, t. II, p. 104; такъ же и слав. перев., помѣщ. въ Кормчей, по изд. 1787, ч. II, л. 107 об.).

³⁾ Памятникъ этотъ, дотолѣ неизданный, напечатанъ проф. Павловымъ, въ греческомъ текстѣ и въ древнемъ славянскомъ переводѣ, въ „Византійскомъ Временникѣ“ за 1895 г., т. II, вып. 1—2, стр. 156—9 и вошелъ потомъ въ его „Сборникъ неизданныхъ памятниковъ Византійскаго церковнаго права (*Fasciculus anecdotorum Byzantinorum*, graecis et

памятникъ по содержанію своему весьма близко напоминаетъ извѣстное уже намъ письмо препод. Θεοδωρα Студита къ Навкратію и является какъ-бы сокращеніемъ этого письма, удерживая даже и самый ходъ мыслей послѣдняго. Здѣсь настойчиво подчеркивается въ началѣ святоотеческая мысль о чистотѣ и непорочности *перваго* брака, который и Господь освятилъ своимъ присутствіемъ и участіемъ въ брачной трапезѣ. Посему *ἀκατάγνωστος ἢ τῆς ἐκκλησίας παράδοσις, καὶ στέφανον ἐπὶ τούτῳ γίνεσθαι, καὶ τὴν τῶν ἀχράντων μυστηρίων μεταλήψιν, καὶ τὴν τοῦ ἱερέως ἐπὶ τούτῳ τῷ πρώτῳ γάμῳ καὶ παρουσίαν καὶ συνεστάσιν* (слав. перев.: „**НЕ ЗАБОРНО БО ЪСТЬ ЦЕРКОВНОЕ ПРѢДАНІЕ, ЕЖЕ И ВЪНЧАНІЕ НА СЛУХЪ ТВОРИТИСЯ, И СТЫМЪ ТАННАМЪ ПРИЧЕЩАТИСЯ НМЪ, И СЦѢННИКОУ НА ПРЯКОСЪВЪ-КОУПЛЕНІИ БРАКЪ ХОДИТИ И ГЯТИ**“). Иное дѣло—второй бракъ, разрѣшаемый „по снисхожденію“. Основаніемъ для сужденій о немъ и здѣсь является извѣстное намъ неокесарійское правило. Отцы собора опредѣлили—священнику не участвовать на брачномъ пирѣ вторображенца, какъ подлежащаго епитиміи. По мысли излагаемаго акта, опредѣленіе это необходимо предполагаетъ собою и запрещеніе второбрачнымъ приступать къ св. тайнамъ, такъ какъ иначе второй бракъ вполне уравнивался бы съ первымъ. Но въ такомъ случаѣ *πῶς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῶν τεθήσεται στέφανος, ἢ ἐπὶ τῆς ἀγίας ἐκκλησίας εὐλόγησις γένηται; διὸ τὸ ἐπιτιθέμενον αὐτοῖς ἐπιτίμιον εἰς ἐντροπήν αὐτοῦς ἄγει* (слав.: „**КАКО НА ГЛАВОУ НУХЪ ВЪНЦЕЦЪ БЪЗЛОЖИТИСЯ НМАТЬ, НИИ БЪ СЪОН ЦРКВН БЛЖЕНІЕ НУХЪ БЫТИ, ПОНЕЖЕ ПРѢДАЕМАА НМЪ ЗАПОВѢДЪ НА ПОСТЫЖДЕНІЕ НУХЪ ИЗВОДИТЬ**“). Соборное опредѣленіе не полагаетъ различія между случаемъ второбрачія двухъ вдовыхъ лицъ и тѣмъ, когда одно изъ нихъ—первобрачное: ибо и это послѣднее, вступая въ союзъ съ второбрачнымъ, унижаетъ свою дѣвственную чистоту. Посему опредѣляется—*μὴ στέφανοῦσθας πλὴν τὸν ἕνα καὶ μόνον καθαρὸν, βεβητὸν καὶ ἀμίαντον γάμον* (слав.: „**НЕ ВЪН-**

ad jus canonicum spectantium“), СПБ. 1898. Въ греческихъ спискахъ *Συναξις* не имѣетъ въ своемъ написаніи имени п. Сисинія; однако, какъ основательно доказываетъ ученый издатель памятника, вѣтъ никакихъ основаній считать произвольнымъ написаніе славянскаго перевода (въ ркп. сербск. требн. Синод. б-ки № 307, по котор. издаетъ его проф. Павловъ), усвояющее это синодальное опредѣленіе названному патриарху (см. пролегом. къ этому акту,—Сбор. вензд. пам., стр. 1—4).

ЧАКАТИ ИНОГО, ТЪКМО ЕДИНОГО ЧИСТААГО И НЕПОЩНААГО БРАКА“). Строгость отношенія ко второму браку заходить такъ далеко, что онъ ставится ниже перваго даже и въ томъ случаѣ, если первобрачующіеся уже находились въ тайной половой связи между собою: они удостоиваются дѣвственнаго вѣнца, *εὶ καὶ παρ’ ἀξίαν* ¹⁾).

Но какъ ни настойчиво стремилась духовная власть, держась своего отрицательнаго взгляда на повторяемость брака, отстоять мысль о неумѣстности церковнаго благословенія и вѣнчанія второбрачныхъ, тѣмъ не менѣе на практикѣ еѣ невольно приходилось идти на уступки и разрѣшать, хотя не охотно, при заключеніи втораго брака то, что она считала преимуществомъ перваго. Такія уступки становились почти неизбѣжными въ особенности со времени изданія Эклоги (740 г.), которая, установивши для втораго брака тѣ же самыя способы заключенія, что и для перваго, въ числѣ ихъ указала и тотъ, который состоитъ въ закрѣпленіи брачнаго согласія *ἐν ἐκκλησίᾳ δι’ εὐλογίας* ²⁾. Разумѣется, съ изданіемъ этого узаконенія у представителей власти духовной не была еще отнята возможность указывать на другой, предписанный въ той же Эклогѣ и уже извѣстный намъ, *гражданскій* способъ бракозаключенія, какъ болѣе умѣстный при второмъ бракѣ и болѣе согласный съ издавна установившейся практикой (что и дѣлаетъ патр. Никифоръ въ приведенномъ выше правилѣ); однако, ихъ положеніе становилось уже довольно затруднительнымъ, если бы сами брачующіеся настойчиво пожелали церковнаго благословенія своему второму браку. Въ особенности это нужно сказать относительно тѣхъ случаевъ, когда дѣло касалось императоровъ или другихъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ: строгая норма церковнаго обычая легко могла

¹⁾ *Павловъ*, Сборникъ неизд. пам., стр. 5—8. О той же строгости выразительно свидѣтельствуетъ неоднократно встрѣчающееся въ каноническихъ памятникахъ IX—XI вв. опредѣленіе, по которому священникъ, дерзнувшій благословить второбрачныхъ, подвергается запрещенію на такой же срокъ, на какой сами второбрачные, по правиламъ, отлучаются отъ св. причащенія (см. тамъ же, стр. 2—3; *Zhishman*, Das Eherecht. S. 414; ср. сужденіе объ этомъ прец. Феодора Студита, привед. выше стр. 155, примѣч. 2).

²⁾ *Eclog. tit. II, c. 8.*

уступить при этомъ давленію обстоятельствъ, находящему себѣ поддержку въ авторитетѣ гражданскаго кодекса 1). Трудность удержаться при прежнихъ воззрѣніяхъ и практикѣ еще болѣе увеличилась послѣ изданія извѣстной намъ LXXXIX новеллы Льва Мудраго, хотѣвшей сдѣлать „свидѣтельство священнаго благословенія“ общимъ условіемъ дѣйствительности и законной силы всякаго христіанскаго брака. Съ изданіемъ этой новеллы вѣковая практика церкви въ отношеніи къ вторымъ бракамъ становилась уже въ прямое противорѣчіе съ требованіями гражданскаго законодательства, и выходъ изъ этого противорѣчія возможенъ былъ лишь одинъ: отклоненіе отъ упомянутой практики въ сторону большей снисходительности къ второбрачнымъ. Есть основаніе думать, что это отклоненіе выразилось первоначально въ совершеніи церковнаго молитвословія надъ второбрачными, но еще *безъ возложенія на нихъ вѣнцовъ* 2). Такой образъ дѣйствій, уступая требованіямъ но-

1) Одинъ изъ такихъ случаевъ, современный препод. Феодору Студиту, имѣется имъ въ виду при вышеприведенномъ изъясненіи неокесарійскаго правила. Событіе относится къ 795 г. по Р. X. Сынъ Иривы, имп. Константинъ, „отвергнувъ прежнюю, соединенную съ нимъ законнымъ бракомъ супругу и насильно заставивъ ее постричься, прелюбодѣйнымъ образомъ, подобно древнему Ироду, безстыдно взялъ другую, по имени Θεοδοτίου“ (которая, какъ говорили нѣкоторые, была даже родственницей ему). „Святѣйшій патріархъ Тарасій, не соизволяя на такое сожительство, отказался возложить на нихъ брачныя вѣнцы и не одобрилъ беззаконной связи. Но одинъ пресвитеръ и экономъ святѣйшей церкви, Іосифъ, бывший близкимъ (къ прелюбодѣямъ, дерзновенно принялъ на себя это дѣло и повѣнчалъ беззаконниковъ, преступивъ божественные и человѣческіе уставы“ (жизнеопис. препод. Феодора Студита, составленное, какъ полагаютъ, ученикомъ его *Μιχαήλῳ μοναχῳ* и напечат. вмѣсто предисловія къ русск. переводу твореній св. отца,—см. ч. 1, стр. 22). Противъ этого беззаконія энергично возсталъ св. Феодоръ, за что и былъ подвергнутъ многимъ бѣдствіямъ. Они прекратились только послѣ того, какъ Константинъ былъ низвергнутъ возмущившимся войскомъ и власть перешла къ матери его Иривѣ (въ 797 г.); тогда же Іосифъ лишенъ былъ священнаго сана (тамъ же, стр. 27).

2) *Παυλῶς*, 50-я глава Кормчей, стр. 67, примѣч. 2. Возложеніе вѣнцовъ на головы брачующихся было символическимъ знакомъ одержанной ими побѣды надъ чувственностію и наградою добрачной чистоты (*σὺμβολὸν τῆς νίκης, ὅτι ἀήττητοι γενόμενοι, οὕτω προσέρχονται τῇ εὐνῇ, ὅτι μὴ χατηγωνισθῆσαν ἐπὶ τῆς ἰδέουης*,—Злат. бес. 9 на 1 посл. къ Тим., Орега.

ваго законодательства, въ то же самое время сохраняя до известной степени и силу древняго обычая. Подобный же характеръ компромисса несятъ на себѣ и другія колебанія практики, отраженіе которыхъ можно замѣтить уже въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ каноническихъ памятниковъ, приведенныхъ нами выше. Разумѣемъ осуждаемыя въ этихъ свидѣтельствахъ попытки, съ одной стороны, удержать сполна или отчасти ритуаль церковнаго вѣнчанія первобрачныхъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда второбрачною является лишь одна сторона, съ другой—сохранить брачные вѣнцы и при обоюдномъ второбрачїи, возлагая ихъ не на голову, а на плечо. Но такіе компромиссы, разумѣется, не могли никого удовлетворить и всего менѣе могли стать окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, тревожно занимавшаго мысль византійскихъ канонистовъ на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ. Не трудно предвидѣть, на какую сторону должно было склониться его окончательное рѣшеніе, уже преднамѣчавшееся изложеннымъ ходомъ дѣла, и гдѣ прежде всего должна была сложиться и окрѣпнуть новая практика, сближавшая первый и второй бракъ въ отношенїи къ формѣ ихъ заключенія. Одно свидѣтельство конца XI или начала XII в. довольно опредѣленно обрисовываетъ намъ эту практику. Это—отвѣтъ ираклійскаго митрополита Никиты на запросъ подчиненнаго ему епископа относительно ходатайства одной почтенной женщины, со слезами испрашивавшей церковнаго благословенія своему второму браку (*ζητεί δὲ μετὰ δακρύων τῆς τοῦ διγύμου λαβεῖν εὐχὴν παρὰ τοῦ ἀρχιερέως τοῦ κατὰ χώραν ἐν τῇ κατ' αὐτὸν ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ*). „Строгая каноническая норма (*ἡ ἀσχεΐβια*) не знаетъ вѣнчанія второбрачныхъ“,—отвѣчалъ митрополитъ: „но принятый въ Великой (т. е. константинопольской) церкви обычай (*ἡ συνήθεια*) не соблюдаетъ этого, а возлагаетъ вѣнцы и на второбрачныхъ, и никогда еще никто за это не подвергся осужденію. Однако второбрачные на годъ или на два должны быть лишены причащенія божественныхъ таинъ, и благо-

---

ed. *Montfaucon*, Venet. 1740, t. XI, p. 597). Отсюда понятно, почему изъ составныхъ частей церковно-бракозаключительнаго чина именно оно считалось особенно неумѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось такихъ лицъ, для которыхъ разрѣшеніе брака являлось, по древне-церковному воззрѣнію, актомъ „нисхожденія“ къ ихъ немощи.

словившему ихъ (священнику) не слѣдуетъ участвовать въ ихъ брачномъ пирѣ“¹⁾). Какъ вопросъ, такъ и приведенный отвѣтъ на него заслуживаютъ нашего вниманія, взаимно восполняя другъ друга. Сопоставляя ихъ, мы видимъ, что на рубежѣ XI и XII вв. вопросъ о церковномъ способѣ заключенія вторыхъ браковъ, все еще продолжавшій вызывать недоумѣнїе у провинціальныхъ представителей церковно-административной власти²⁾, въ практикѣ церкви константинопольской былъ рѣшенъ уже настолько опредѣленно и устойчиво, что митрополитъ ираклійскій, безъ сомнѣнїя, хорошо знакомый съ этой практикой, какъ бывший діакономъ и дидаскаль Великой церкви³⁾, не могъ припомнить ни одного случая осужденія кого-либо за слѣдованіе константинопольскому обычаю. А послѣдній позволялъ не только совершать молитвословіе надъ второбрачными⁴⁾, но и воз-

1) Греч. подлинникъ приведеннаго отвѣта см. у Павлова, Сборн. неизд. пам., стр. 16; то же въ аеинской Συνητ. t. V, p. 441 и у Леуцклавія въ Jus graeco-roman. t. I, p. 310. О личности автора и времени его жизни см. въ пролегоменахъ къ каноническимъ отвѣтамъ Никиты въ изданіи Павлова, стр. 12—15.

2) Какъ на отголосокъ этихъ недоумѣній, кромѣ изложеннаго въ текстѣ вопроса, обращеннаго къ ираклійскому митрополиту Никитѣ, можно указать на каноническій отвѣтъ современнаго и соименнаго ему митрополита солунскаго по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вѣнчать второбрачныхъ, и что дѣлать, если одна изъ сторонъ первобрачная. Отвѣтъ данъ довольно странный: *Τὸ μὲν παρθενεῦον μέρος ἐξάπαντος διὰ τὴν τῆς παρθενίας φυλάξιν, ὡς ἄξιον στεφάνων, καὶ στεφανωθήσεται. τὸν δὲ δίγαμον καὶ ὁ ὁσιος Θεόδωρος ὁ Στουδίτης καὶ πρὸ αὐτοῦ ὁ τὴν γλώτταν χρυσοῦς, καὶ ἄλλῶς ὁ ὀρθὸς λογισμὸς κωλύει στεφανοῦσθαι κατὰ παραχώρησιν γὰρ ὁ θεύτερος γάμος καὶ κατὰ συνκατάβασιν δίδεται, ὅθεν καὶ ἐπιτιμᾶται* (Павловъ, Сборн. неизд. пам., стр. 30; соображенія объ авторѣ отвѣта и времени его жизни—тамъ же, въ пролегом., стр. 27—8).

3) Павловъ, Сборн. неизд. пам., стр. 14.

4) Выраженіе: *ἡ τοῦ δίγαμον εὐχή*, употребленное въ вопросѣ, даетъ основаніе думать, что это молитвословіе въ указанное время не было уже тождественно съ тѣмъ, которое совершалось надъ первобрачными, какъ это было во времена св. Теодора Студита. Другими словами, — можно предполагать, что одновременно съ прочими переменами въ практикѣ заключенія вторыхъ браковъ въ XI вѣкѣ уже было положено начало особому „послѣдованію о второбрачныхъ“. О содержаніи этого послѣдованія мы можемъ высказать только догадки, основываясь на литургическихъ данныхъ болѣе поздняго времени. Въ одной изъ синод. рукописей XIV в. (№ 279) въ концѣ помѣщеннаго въ ней чина обруче-

лагать на нихъ брачныя вѣнцы, удержавши изъ ограниченнаго прежняго времени въ полной силѣ только известное предписаніе 7 неокесарійскаго правила, понимаемое теперь въ самомъ узкомъ и буквальному смыслѣ¹⁾, вопреки болѣе раннимъ толкованіямъ. Другія свидѣтельства, хронологически слѣдующія за вышеприведеннымъ, говорятъ о церковномъ благословеніи вторыхъ браковъ уже безъ всякой оговорки. Такъ, митрополитъ критскій Ілія (перв. полов. XII в.) въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ на вопрошенія нѣкоего монаха Діонисія, говоря о различіи второбрачія отъ блуда, рассуждаетъ: *ἡ μὲν διγαμία εὐχῆς ἀξιούται, ἡ πορνεία δὲ οὐδαμοῦ*²⁾. Мало того, по свидѣтельству митрополита Ілія, въ его время даже и третьи браки удостоивались молитвословія (εὐχῆς), хотя и *παρὰ τὴν κανονικὴν ἀκριβείαν*, вслѣдствіе чего состоявшій дважды въ супружествѣ и вступившій въ

нія и вѣнчанія, послѣ молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ, имѣется слѣдующая: *Εὐχὴ ἐπὶ διγαμίῳ: Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ τὸν Ἀβραάμ φίλον καλέσας καὶ τὸν Ἰσαὰκ ἐπετραπησίσας, καὶ τῷ Ἰακώβ εἰς γυναῖκα τὴν Λείαν συνάψας, οἰκονομήσας δὲ αὐτὸν καὶ δευτέρας κοίτης ἐν Ραχὴλ κοινωνήσαι, αὐτὸς καὶ νῦν εὐλόγησον καὶ τοὺς δούλους σου, τὸν θε καὶ τὴν θε, καὶ ἀγιάσον τοὺς πρὸς δεῦτερον συνοικεῖσιον ἐρχομένους, διὰ τε τὴν τῆς φύσεως ἐλήθειαν καὶ τὴν ἐν νεότητι ἐπισυμμάσαν χρείαν. σὺ γὰρ Κύριε συγκαταβαίνων τῇ ἀσθενείᾳ ἡμῶν διὰ Παῦλον τοῦ σκεύους τῆς ἐκλογῆς σου ἐνομοθέτησας, κρεῖσσον εἶναι τῆς σωματικῆς πυρόσεως τὸν ἐν Κυρίῳ γάμον. ἀστασίαστον αἰτῶν καὶ εἰρηναίαν τὴν ζωὴν διατήρησον, σωφρόνως αὐτοὺς βιοῦν εὐδοκῶν καὶ τοῖς προστάγμασί σου ἐπαρρησιεῖν, μὴ παρεμποδιζομένους ἐκ τοῦ τῆς συζυγίας δεσμοῦ. Ἐκφώνησις: Ὅτι σὸν τὸ κράτος καὶ σου ἐστὶν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δύναμις καὶ ἡ δόξα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος* (Красносельцевъ, Описание вѣктор. литургич. рукописей, стр. 113, примѣч.). Славянскій переводъ этой молитвы встрѣчается въ рукописяхъ XV—XVI в. (напр. Моск. Синод. 6-ки № 375/зв, л. 238 об.; Моск. Дух. Акад., бывш. Волокол. 6-ки, № 88, л. 182; ркп. Каз. Дух. Акад. № 705/1019) и въ старопечатн. требн. 1625 г., л. 139 (Горскій и Невоструевъ, Описание слав. рукоп. моск. синод. 6-ки, отд. III ч. I, стр. 202. М. 1869). Можно думать, что это и есть та самая „молитва о второбрачномъ“, о которой упоминается въ вопросѣ епископа, обращенномъ къ митрополиту Никитѣ.

¹⁾ См. предпоследній отвѣтъ Никиты, м. солунскаго, бывш. харгофилакса, — *Σύγγ. t. V*, р. 388; то же у *Leunclavii*—*Jus graeco—roman. t. I*, р. 350. Въ такомъ же, т. е. буквальному смыслѣ понимаетъ предписаніе этого правила о неучастіи священника въ пиришествѣ двоебрачныхъ и греческая кормчая книга — *Πηδάλιον* (въ подстрочномъ примѣчаніи къ 7 пр. неокес. соб.,—по аѳинск. изданію 1841 г. стр. 226).

²⁾ *Σύγγ. t. V*, р. 378; *Leunclavii op. cit. t. I*, р. 338.

новый союзъ безъ молитвословія (*εὐχῆς ἄνευ*) прямо приравнивается имъ къ блуднику ¹⁾. Болѣе сдержанно высказывается на этотъ счетъ, во второй половинѣ того же столѣтія, „свѣтило церковнаго законовѣдѣнія“—*Теодоръ Вальсамонъ*, уже не полагающій различія между первымъ и вторымъ бракомъ ²⁾, но вообще неодобрительно относящійся къ третьему. Отвѣчая на вопросъ *александрійскаго патріарха Марка*: подлежитъ ли наказанію невѣжественный священникъ, завѣдомо благословившій третій бракъ (*ἐὰν τρίτου γάμου ἱερολογία ποιῆσῃ*), *Вальсамонъ* напоминаетъ, что согласно соборному опредѣленію, состоявшемуся при императорѣ *Константинѣ Порфирогенетѣ* (имѣется въ виду извѣстный намъ *τόμος τῆς ἐνώβεως*), въ однихъ случаяхъ третій бракъ признанъ дозволеннымъ, въ другихъ—нѣтъ, и съ своей стороны высказываетъ мнѣніе, что въ случаяхъ второго рода священникъ, рѣшившійся преподавать молитвословіе, безусловно подлежитъ изверженію (*ὁ τοῦτου κηκολυμένου τρίτου γάμου ἱερολογία πλοηγῶς ἱερεὺς καθαιρετός ἐστί*). такъ какъ его грубое невѣдѣніе закона въ данномъ случаѣ совершенно неизвинительно ³⁾. Но высказываясь такъ относительно неумѣстности священнодѣйствія при *запрещенныхъ* бракахъ, авторитетный канонистъ, очевидно, признавалъ дозволительнымъ совершеніе церковнаго молитвословія (*ἱερολογία*) въ тѣхъ случаяхъ, когда третій бракъ закономъ не возбраненъ. Въ томъ же смыслѣ рѣшала этотъ вопросъ и послѣдующая церковная практика, примѣнившая постепенно выработывавшееся „послѣдованіе о второбрачныхъ“ и къ случаямъ церковнаго благословенія третьяго брака.

Представленныя до сихъ поръ свидѣтельства говорятъ намъ о практикѣ восточной, греческой церкви въ отношеніи къ способу заключенія вторыхъ и третьихъ браковъ. Что касается другой, западной половины христіанскаго міра, то здѣсь запрещеніе церковнаго благословенія второбрачныхъ, унаслѣдованное отъ христіанской древности, удержи-

¹⁾ *Σύγг.* V, 378—9; *Leuncl.* I, 338—9.

²⁾ См. его толкованіе на 7 правило неокесарійскаго собора.—*Правила св. помѣстн. соборовъ съ толков.*, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., вып. I, стр. 86.

³⁾ *Leunclavii*—*Jus graeco—roman.* t. I, p. 393.

лось и впоследствии, не встрѣчая для себя препятствій, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто на востокѣ. Впрочемъ, и католическая церковь допускаетъ нѣкоторое разграниченіе между случаями второбрачія. По католическому праву, бракъ вдовы *всегда* остается безъ благословенія, безразлично, выходитъ ли она за вдовца или за лицо, никогда не состоявшее въ бракѣ; при вступленіи же во второй бракъ мужчины благословенія не бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если оно было преподано ему при вступленіи въ первый бракъ; а если нѣтъ (напр., если вторично женится на дѣвицѣ тотъ, кто въ первый разъ былъ женатъ на вдовѣ, слѣд. безъ церковнаго благословенія), то такой бракъ можетъ быть благословленъ ¹⁾. Разумѣется, это остается въ силѣ и по отношенію ко всякому послѣдующему браку, число которыхъ, какъ мы уже знаемъ, не ограничено.

И. Громогласовъ.

(Окончаніе будетъ).

---

¹⁾ *Vering*, Lehrbuch des Kirchenrechts, 3-e Anfl., S. 914; cp. S. 866.